

В. И. Козлов

ЭТНОС И ЭКОНОМИКА. ЭТНИЧЕСКАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТИ

Вопрос о соотношении этноса и экономики, этнической и экономической общностей выступил в последнее время, как одна из наиболее важных, методологически заостренных проблем, активно разрабатываемой в последние годы теории этноса или этнической общности. Однако, по сравнению с другими, относящимися сюда проблемами, такими, например, как этнос и язык, этнос и культура, данный вопрос исследован явно слабо. Отставание в разработке этого вопроса объясняется рядом причин, прежде всего — запоздалым, а затем и поверхностным вниманием к нему. Первые, появившиеся в нашей научной литературе определения народа или этнической общности, вообще не учитывали признака экономической общности¹. Этот признак было принято прилагать лишь к одному из типов этноса — к нации, причем для нее он считался не только строго обязательным, но и главным, ведущим признаком, своего рода «качественной гранью», отделяющей нацию от предшествовавших ей типов этноса — народности и племени². Первые бреши в этой позиции появились примерно с середины 1950-х годов, по мере расширения и углубления научных исследований, связанных с анализом различных типов этнических (или — как их обычно именовали тогда в философской литературе — исторических) общностей людей; было отмечено, что экономическая общность в определенной степени свойственна и народностям³, особенно — социалистическим народностям⁴. Обнаружилось, что определенная экономическая или точнее хозяйственная общность характерна и для многих племен. Но эти высказывания и факты еще не нарушали прежних дефиниций, а зачастую мирно сосуществовали рядом с ними. Дальнейшее развитие теории этноса нуждалось в детальном анализе и обобщении фактического материала и всех высказываний по рассматриваемому нами вопросу. К сожалению, такая работа не была выполнена.

¹ Так, М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров определяли народ как исторически сложившуюся группу людей, связанных общностью территории своего формирования, языка и культуры, см. М. Г. Левин, Н. Н. Чебоксаров, Общие сведения (языки, расы, народы). В кн.: «Очерки общей этнографии. Австралии и Океания. Америка. Африка», М., 1957, стр. 10.

² Такой позиции придерживались не только философы, но и многие этнографы. См., например: И. И. Потехин. Формирование национальной общности южноафриканских банту, М., 1955, стр. 33, 187—188 и др.

³ См., например: С. С. Дмитриев, Образование русской нации, «Вопросы истории», 1955, № 7.

⁴ См., например, высказывания И. П. Цамеряна в сб. «Социалистические нации СССР», М., 1955, стр. 63.

С. А. Токарев, предпринявший первую за многие годы попытку вывести понятие этнической общности, без особых доказательств включил «экономические связи» в число видов связей (языковых, территориальных и др.), каждая из которых может якобы лежать в основе этнической общности⁵. В прошедшей недавно на страницах журнала «Вопросы истории» дискуссии по некоторым проблемам теории нации наиболее решительно по этому вопросу высказался А. Г. Агаев, заявив: «То положение, что экономика является бесспорным этническим признаком всякого народа, не вызывает сомнений»⁶. Весьма показательно в этом отношении и выступление М. С. Иванова, который при обсуждении статьи Ю. В. Бромлея «Этнос и эндогамия», посвященной, как видно из ее названия, лишь одной из конкретных проблем теории этноса, усмотрел недостатки статьи именно в слабом, якобы, внимании к показу роли общественно-экономических факторов, в том, что там не упомянуто «значение экономических связей для развития этнической общности»⁷.

Анализ ситуации, сложившейся в рассматриваемой области, затрудняется тем, что здесь мы сталкиваемся не просто с недостаточно научно обоснованным переходом от прежней концепции, утверждавшей, что экономическая общность или общность экономической жизни присуща лишь одному из типов этноса — нации, к концепции, утверждающей, что такая общность присуща всем типам этноса. Мы сталкиваемся и с наличием различных точек зрения, сосуществование которых в значительной степени обусловлено терминологическо-понятийной нечеткостью. Детальное противопоставление развернутых научных понятий, без которого немислим прогресс в познании общественных явлений, в данном случае — этноса, довольно часто уступает место простой замене одних терминов другими, причем содержание самих терминов может остаться неясным. Мы можем лишь догадываться, например, какой смысл вкладывал А. Г. Агаев в примененный им термин «экономика», а С. А. Токарев — в примененный им термин «экономические связи», и можем лишь надеяться, что у них были какие-то основания для отступления от известной формулировки «общность экономической жизни». Уместно отметить, что и применительно к нации «работоспособность» данной формулировки оказалась не вполне удовлетворительной; в ходе упомянутой дискуссии выдвигались предложения трактовать этот признак нации то как «устойчивую общность хозяйственной жизни (при наличии рабочего класса)»⁸, то как «экономическую основу»⁹, то как «единство промышленной экономики»¹⁰ и т. п. Все это заставляет нас уделить существенное место характеристике используемого терминологического инструментария и понятийного аппарата.

Рассмотрение вопроса о соотношении «этнического» и «экономического» и возможности применения «экономического» в качестве признака «этнического» целесообразно начать с более широкого из этих понятий — экономика. Термин «экономика», выставленный А. Г. Агаевым как «бесспорный этнический признак каждого народа», принято употреблять, во-первых, при характеристике господствующего способа производства, т. е. определенного уровня развития производительных сил и совокупности производственных отношений (например, «экономика капитализма»),

⁵ С. А. Токарев, Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии), «Вопросы философии», 1964, № 11.

⁶ А. Г. Агаев, Нация, ее сущность и самосознание, «Вопросы истории», 1967, № 7.

⁷ См. «Обсуждение статьи Ю. В. Бромлея „Этнос и эндогамия“», «Сов. этнография», 1970, № 3, стр. 89.

⁸ П. М. Рогачев, М. А. Свердлин, О понятии «нация», «Вопросы истории», 1966, № 1, стр. 45.

⁹ С. Т. Калтахчян, К вопросу о понятии нации, «Вопросы истории», 1966, № 6, стр. 42.

¹⁰ Т. Ю. Бурмистрова, Некоторые вопросы теории нации, «Вопросы истории», 1966, № 12, стр. 109.

и, во-вторых, для обозначения совокупности отраслей хозяйства какой-то территории (например, «экономика СССР»). В обоих этих случаях формулировка А. Г. Агаева представляется неточной и далеко не бесспорной. Постараемся пояснить этот вывод и сущность вопроса.

Придерживаясь первого из приведенных выше значений термина «экономика», следует подчеркнуть, что экономика является неперенным базовым условием существования самого человеческого, а также всех социальных коллективов, включая, конечно, и этнические общности. Именно изменение экономики определяет в конечном счете историческое развитие всего общества, смену типов социально-экономических формаций, образующих как бы этажи исторического прогресса. Но признание этих основных положений исторического материализма не должно вести к какой-то абсолютизации экономических факторов, к концепциям так называемого экономического материализма, подменяющего марксистскую диалектическую методологию исследования историко-социальных явлений упрощенными схемами. Опасность такой вульгаризации марксизма выявилась еще при жизни Ф. Энгельса, который специально подчеркнул: «...Согласно материалистическому пониманию истории в историческом процессе определяющим моментом в *конечном счете* является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является *будто единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу... К сожалению, сплошь и рядом полагают, что новую теорию вполне поняли и могут ее применять сейчас же, как только усвоены основные положения, да и то не всегда правильно. И в этом я могу упрекнуть многих из новых «марксистов»; ведь благодаря этому также возникла удивительная путаница»¹¹. К сожалению, должны отметить и мы, и сейчас находимся авторы, которые в любом случае непременно требуют абсолютизации роли экономических факторов, не замечая, что часто выступают с позиций вульгарного экономизма.

Экономика оказывает наиболее сильное, непосредственное влияние на те социальные образования, специфика которых обусловлена местом людей в процессе производства и распределения материальных или духовных благ, например, классы, профессиональные группы и т. п.; многие из этих образований связаны только с определенными социально-экономическими формациями (класс рабовладельцев — с рабовладельческой, ремесленно-цеховые организации — с феодальной, фермеры — с капиталистической и т. д.) и прекращают свое существование вместе с ними. Что же касается этнической, религиозной и других общностей, состоящих из различных классов и профессиональных групп и обычно продолжающих существовать (хотя и в модифицированном виде) и после смены тех или иных формаций, то на них экономика сама по себе оказывает чаще всего опосредствованное влияние и уже потому не может стать их определяющим признаком. Утверждать, что экономика является этническим признаком, на наш взгляд, столь же нелепо, как и утверждать, будто бы она является религиозным или, например, языковым признаком.

Разумеется, этносы, существуя в рамках определенных социально-экономических формаций, испытывают их влияние, которое проявляется, например, в особенностях классово-профессиональной структуры входящих в них групп людей, их занятиях, идеологии и т. п. На этих социально-экономических особенностях этносов основана ныне распространенная их типология, в которой каждый тип связывается с опре-

¹¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 394, 396.

деленными формациями: племя — с первобытнообщинной, народность — с рабовладельческой и феодальной, нация — с капиталистической и социалистической. Нисколько не возражая против самой возможности такой классификации, следует сказать, что в теперешнем своем виде она нуждается в доработке. Рассмотрение этого вопроса выходит за рамки нашей статьи, но все же отметим, что недостатки существующей типологии проявляются уже в том, что один и тот же тип этноса (например, нация) связывается с различными социально-экономическими формациями, с различным экономическим базисом; применяемые для исправления этого недостатка дополнительные определители — «капиталистическая» нация и «социалистическая» нация не вносят в саму типологию должной ясности. Особенно слабо разработана проблема «народности»; считается, что такой тип этнической общности органически связан с рабовладельческой или феодальной формациями, вместе с тем признается существование его в капиталистической («капиталистическая народность») и социалистической («социалистическая народность») формациях, т. е. в совершенно различных экономических системах. Бросается в глаза, что типология этносов по существу заменена здесь их краткой социально-экономической характеристикой, которая в принципе может быть применена и ко многим другим общностям, например к государственной («рабовладельческое государство», «буржуазная республика» и т. п.), к религиозным общинам («католики феодального общества», «католики капиталистического общества» и т. п.) и прочим социальным категориям, которые при переходе из одной формации в другую изменяют классовую структуру и другие социально-экономические параметры.

Сравнительно небольшие возможности открываются для исследования сущности этноса и при использовании другого значения термина «экономика», который обозначает, как уже отмечалось, территориальный комплекс отраслей хозяйства; показательно, что в обширной экономической литературе по существу нет работ, посвященных, например, экономике русского или, скажем, татарского этноса. Вместе с тем, почти каждая территория (страна, область и т. п.) отличается тем или иным своеобразием экономической или, точнее, хозяйственной деятельности живущего на ней населения, что определяется уровнем социально-экономического, а также особенностями исторического развития, природными условиями, традициями и другими факторами. Такая специфика хозяйственной деятельности может быть обнаружена и в пределах этнических территорий, у тех или иных народов мира. Эта специфика накладывает отпечаток на образ жизни, особенности культуры и быта народов (наглядно демонстрируя в ряде случаев примат «экономического») и постоянно учитывается в этнографических исследованиях.

Нетрудно заметить, что четкая хозяйственная специализация свойственна лишь сравнительно небольшим этносам, стоящим на ранних ступенях исторической эволюции, в основном родоплеменным обществам, которые обычно сплошь состоят либо из охотников-собирателей, либо — примитивных земледельцев или скотоводов¹². Впрочем, и в этом случае экономика не выступает в качестве «этнического признака», так как один и тот же вид хозяйства может бытовать у целого ряда этносов, значительно теряя свою этническую «специфику» и определяющие свойства. С развитием производственных сил и дифференциацией профессий, а также с укрупнением этносов и их территориальным распространением в пределы иной природной и социальной среды, прежнее единообразие

¹² Резкое разделение народа на группы, каждая из которых занимается особым видом хозяйственной деятельности (например, у чукчей и коряков — группы кочевых оленеводов и группы оседлых морских рыболовов, каждая со своим названием, культурно-бытовыми и диалектальными особенностями) может свидетельствовать даже о незавершенности процессов этнической консолидации. Подробнее об этом см.: В. И. Козлов, Динамика численности народов, М., 1969, стр. 285 и след.

сменяется все усложняющимся многообразием хозяйственной деятельности, все более пестрой картиной производства и потребления, требующей очень сложных комплексных характеристик. Этнические традиции хозяйственного быта все чаще отходят на задний план. В результате исследователю гораздо легче показать хозяйственное своеобразие отдельных областных групп одного и того же этноса (например, отличия русских Рязанской области от русских Вологодской области), чем своеобразие хозяйства всего русского этноса в отличие, скажем, от белорусского или от татарского этноса. Правда, материалы всеобщих переписей населения дают сочетание показателей национальной принадлежности с другими, в том числе и с экономическими показателями, позволяют вскрыть, например, различия в профессиональном составе тех или иных народов. Но все эти характеристики, как и характеристики по половозрастному составу, уровню образования и т. д., имеют, по существу, описательное значение, служат главным образом целям сравнения этносов между собой. Короче говоря, и здесь еще не видно признака, который можно было бы включить в научное определение этноса и который бы служил целям отделения этноса от других социальных образований.

Обратимся теперь к несколько более узкому и чаще применяемому в рассматриваемой нами области термину *экономическая общность* (или близких к нему формулировок — «общность экономической жизни», «общность экономических связей» и т. п.). По сравнению с термином «экономика», данные термины обладают большей «работоспособностью», так как, сохраняя значительную часть смысловой нагрузки первого, они вместе с тем характеризуют определенные принципы социального объединения людей. Не вдаваясь пока в тонкости различия формулировок, отметим, что до последнего времени в литературе наиболее часто встречался термин «общность экономической жизни», входящий в известное определение нации. Однако содержание этого, по мнению многих авторов, важнейшего признака нации, несмотря на его частое и давнее употребление, так и осталось недостаточно раскрытым, что привело к разному и понятийным недоразумениям, отчетливо выявившимся в ходе упомянутой дискуссии по теории нации.¹³ Это лишний раз говорит о необходимости пояснения исходных понятий.

Экономической общностью является общность людей, основанная на экономических (или хозяйственных) связях между ними. В свою очередь под экономическими связями понимается нечто иное, как связи между людьми, возникающие в процессе производства или распределения материальных благ. Наиболее надежной основой таких связей служит разделение труда, которое выступает в двух главных видах: в виде профессионального разделения труда по особенностям занятий отдельных людей и групп их и в виде порайонного разделения труда, обусловленного различной спецификой хозяйственной деятельности территориальных групп населения. То и другое связано с развитием общественного производства, причем первое во многом определяется наклонностями или традициями и может ограничиваться сравнительно узкими рамками (внутри семейное разделение труда), а второе — особенностями природных условий тех или иных районов и требует для своего осуществления развития транспортных средств.

Среди факторов, препятствующих сложению экономической общности людей, следует отметить однородность их хозяйственной деятельности и натуральный тип хозяйства. На это обстоятельство обратил осо-

¹³ Один из последних участников этой дискуссии, М. Н. Росенко, после краткой оценок относящихся сюда высказываний справедливо отметила, что «... до сих пор, по существу, отсутствуют работы, где было бы дано развернутое понятие общности экономической жизни, проанализированы основные этапы ее формирования...» (М. Н. Росенко, Современная эпоха и некоторые вопросы теории нации, «Вопросы истории», 1988, № 7).

бое внимание Ф. Энгельс при анализе этно-социального развития ранне-средневекового общества. «Таким образом,— пишет он,— народ растворился в союзе мелких сельских общин, между которыми не существовало никакой — или почти никакой — экономической связи, так как каждая марка удовлетворяла свои потребности собственным производством, а отдельные соседские марки производили к тому же почти в точности те же самые продукты». Поскольку экономические интересы таких общин были *одинаковыми*, постольку, указывает Ф. Энгельс, они и не были *общими*¹⁴. Отсутствие экономических связей не означает, конечно, отсутствия других видов связей, на основе которых могут возникать и существовать социальные группы. Так, между сельскими общинами могут существовать территориальные связи, усиливаемые сходством хозяйственных интересов, а нередко и обычаями взаимопомощи; внутри каст и подкаст, члены которых должны заниматься каким-то одним определенным видом деятельности (каста торговцев мясом, каста подметальщиков улиц и т. п.) существуют религиозные и брачные связи, и т. д. В отличие, например, от языковой общности, которая тем сильнее, чем однороднее в языковом отношении составляющие ее группы людей, экономическая общность становится тем более прочной, чем дальше заходит разделение труда и чем экономически разнороднее входящие в нее группы людей. Поэтому встречающееся в одной фразе словосочетание «общность языка и экономической жизни» — таких противоположных в своей сущности «общностей» — выглядит, на наш взгляд, явно алогичным.

Если не становиться на позиции экономического материализма, не заслонять разнообразие видов социальных связей между людьми экономическими связями и не отождествлять, например, национальные или религиозные отношения с отношениями людей в процессе материального производства, то следует признать, что экономические связи определяют в полной мере лишь экономическую общность людей, как государственные связи — государственную, а религиозные — религиозную общность. Поэтому возникающий иногда вопрос о возможности применения к этносу «признака экономической общности» должен быть заменен методологически более правильным вопросом о соотношении между экономической и этнической общностями людей. Анализ фактического материала приводит к выводу, что границы этнической и экономической общности людей по ряду рассматриваемых далее причин часто совпадают, но они могут и не совпадать. Довольно часто экономические связи замыкаются таким образом, что разделяют этнос на отдельные более или менее самостоятельные экономические общности или, напротив, объединяют его экономически с другими этносами; иногда исследователю приходится сталкиваться с очень сложным переплетением и пересечением этнических и экономических границ. Все это разнообразие возникло в результате специфических и не всегда совпадающих путей исторического развития, с одной стороны, экономических, с другой — этнических общностей людей.

Первая, половозрастная форма разделения труда возникла, как известно, на самых ранних стадиях развития человеческого общества; на базе ее сложились и первые примитивные формы экономической или хозяйственной общности. Элементы такой общности можно обнаружить даже у народов с наиболее отсталыми видами хозяйства, например внутри локальных групп австралийцев, где мужчины занимаются преимущественно охотой и рыбной ловлей, а женщины и дети — сбором съедобных растений, насекомых и т. п. Для более развитых народов первобытнообщинной эпохи, по-видимому, можно говорить о существовании родовой и племенной формы хозяйственной общности. А поскольку род уже из-за экзогамии не мог существовать без других родов, то именно

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 496.

племя, как основная для той эпохи форма коллективного существования людей, может рассматриваться не только как первый тип этноса, но и как первичный социально-экономический организм.

Из-за натурального типа хозяйства и слабого разделения труда по профессиям хозяйственная общность внутри племени была, конечно, очень слабой и поддерживалась главным образом общностью интересов, связанных с совместным владением всеми соплеменниками ресурсами племенной территории, совместным участием их в различных хозяйственных мероприятиях, обычаями взаимопомощи и т. п. Ф. Энгельс, давая обобщенную характеристику периода «дикости» и «варварства», писал, что производство здесь было «по существу коллективным, равным образом и потребление сводилось к прямому распределению продуктов внутри больших или меньших коммунистических общин»¹⁵.

Один из первых популяризаторов марксизма в России, Н. И. Зибер, исследуя этот вопрос в своем труде «Очерки первобытной экономической культуры», убедительно показал, что общинные формы хозяйства представляли собой почти универсальную форму экономической деятельности на ранних ступенях развития всех народов мира. Он привел огромный фактический материал по народам Азии, Африки, Америки и Океании, сохранивших родо-племенной строй, проследив развитие коллективного труда от простейших его форм (общая охота, рыбная ловля и пастушество) до более сложных (общинные работы по выжиганию лесов, орошению земель и т. п.). Н. И. Зибер приходит к выводу, что «простая кооперация в ловле рыбы, охоте, нападении и защите, уходе за скотом, очистке лесных участков под обработку, орошении, возделывании земли, построении домов и больших орудий, как лодки, сети и т. п., естественно обуславливает собой совместное потребление всего произведенного... Служа условием существования первобытного экономического строя, кооперация означенного рода в то же время является источником для зарождения и развития целого ряда нравственных и юридических воззрений, которые часто на много столетий переживают вызвавшую их к существованию общественно-экономическую организацию...»¹⁶.

Развитие производительных сил в недрах первобытнообщинной формации, появление частной собственности и рабовладения и связанная с этим классово-социальная дифференциация между родами и внутри родов, привели к разложению родо-племенного строя. Классическое описание этого процесса дано в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», где подчеркнуты такие важные его факторы, как территориальное смешение родов и племен, возникновение новых потребностей и интересов, требовавших новой организации общественной жизни. «Родовой строй, — пишет Ф. Энгельс, — отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием — расколом общества на классы. Он был заменен *государством*»¹⁷.

В период перехода от первобытнообщинной к раннеклассовой формации появились условия для развития новых форм экономических связей, основанных на товарном хозяйстве. Особенно существенное значение в этом отношении имело возникновение городов, выделение групп ремесленников, а также профессий, целиком направленных на поддержание и развитие экономических связей: торговцев, перевозчиков товаров и т. п. Распространению экономических связей, формированию широких экономических общностей способствовали и другие обстоятельства, в том числе падение прежней племенной замкнутости, однако это экономическое развитие растянулось на много столетий и развернулось

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 174.

¹⁶ Н. И. Зибер, Очерки первобытной экономической культуры, М., 1957, стр. 5—6.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 169.

в полную силу лишь в капиталистическую эпоху. Исчезновение племенной обособленности, территориальное взаимопроникновение различных, чаще всего родственных племен, наряду с другими условиями, способствовало и возникновению новых, более крупных по сравнению с племенем, этнических общностей. Этот процесс, подобно процессу формирования экономических общностей, долгое время, фактически до начала формирования наций, был тоже недостаточно отчетливым; при этом взаимосвязь этнических и экономических явлений чаще всего имела опосредствованный характер, и посредником между ними обычно было государство.

Методологически важный вопрос о соотношении этнической и государственной общностей и вопрос о роли государственно-политического фактора в сложении этносов классовых формаций требуют для своего рассмотрения специальной работы. Остановливаясь лишь на некоторых, необходимых для нашей темы моментах, подчеркнем тот, отмеченный Ф. Энгельсом факт, что на смену племенной организации приходит именно *государство*. Государство характеризуется, прежде всего, своей политической ролью, как организация экономически господствующего класса, как аппарат для подавления своих классовых противников.¹⁸ Вместе с тем, государство с самого начала своего существования выполняло определенные организационные социально-экономические функции. Племенные границы сменились государственными границами, еще более строго фиксируемыми и охраняемыми. Господствовавшая в первобытно-общинную эпоху кровнородственная структура населения уступила место структуре территориальной: по населенным пунктам, районам, областям, и т. п., причем установление территориального деления, как правило, входит в ведение государства. В ведении государства находится чеканка монет и регулирование денежного обращения, определенный контроль за внутренней и особенно внешней торговлей (таможенные пошлины и ограничения), охрана торговых путей, прокладка новых дорог и другие мероприятия, способствующие формированию экономической общности среди входящего в это государство населения. И хотя государственные границы чаще всего устанавливались насильственным путем, например в результате завоеваний, со временем у вошедшего в государство населения неизбежно возникали элементы общности социально-экономической жизни, поддерживаемые единством государственной территории и общими интересами по ее использованию и охранению, а также единой системой государственной организации, юридических прав и обязанностей.

В течение длительного периода, когда почти повсеместно господствовало натуральное хозяйство, когда экономические, в данном случае — торгово-рыночные связи имели сравнительно узкие рамки, обычно охватывавшие город с прилегающей к нему округой, и не могли еще способствовать развитию языковых и культурных контактов и связанных с ними процессов этнической консолидации, государственные связи приобретали немаловажное этническое значение. На это обстоятельство указывал Ф. Энгельс, когда, завершая упомянутый выше анализ социально-этнического развития средневековых общин (марок), писал: «Вследствие такого состава народа только из мелких общин, экономические интересы которых были, правда, одинаковыми, но именно поэтому и не общие, условием дальнейшего существования наций становится государственная власть...»¹⁹.

Из числа авторов, уделивших значительное внимание оценке этнообразующей роли государства в средние века, следует отметить Н. Ф. Колесниченко, который пишет: «Для слияния отдельных родственных или

¹⁸ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 39, стр. 64 и след.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 496.

более далеких между собой этнических групп в новую общность необходимо было их объединение на длительный период в рамках одного государственного целого. Разделение на долгий исторический период государственными границами даже самых близких между собой племенных общностей способствовало их обособлению и приводило, в конце концов, к тому, что они становились компонентами разных народностей... Салические и частично рипуарские франки вошли в состав французской народности, восточные рипуарские франки стали составным элементом немецкой народности»²⁰. Приводимый Н. Ф. Колесницким фактический материал убедительно показывает, сколь сильно политическое раздробление Германии тормозило процесс сложения единой немецкой народности, контуры которой вплоть до XVII в. вырисовывались весьма нечетко.

Обозревая в целом развитие социальных образований в раннеклассовых формациях, приходится отметить, что консолидация языково-территориальных групп только еще начинала разворачиваться, этническое самосознание только еще пробуждалось и часто отступало на задний план перед более развитым чувством принадлежности к государству или к религиозной общине. Поэтому этнические общности выступали сравнительно четко лишь там, где этническая (языково-культурная) принадлежность в целом совпадала с государственной и религиозной, как это было у многих народов древности (финикийцы, египтяне, евреи и др.) и средневековья (испанцы, поляки и др.). В случаях такого совпадения к этническим общностям того времени, называемым обычно «народностями», может быть приложен признак экономической целостности в том его объеме, который был характерен для соответствующих государств. В случае же, если такого совпадения не было, развитие экономических связей могло не совпадать с развитием этнических связей и даже вступать в конфликт с ними. Так, длительная ожесточенная борьба между крупнейшими торгово-промышленными центрами средневековой Италии — Венецией и Генуей — тормозила этническую консолидацию итальянского народа, а существование межэтнического Ганзейского союза — консолидацию немецкого народа.

Процессы образования этнически однородных государств начались в Западной Европе еще в раннем средневековье. «Как только произошло разграничение на языковые группы, — пишет Ф. Энгельс, — стало естественным, что эти группы послужили основой образования государств, что национальности стали складываться в нации... Правда, в течение всего средневековья границы распространения языка далеко не совпадали с границами государств; но все же каждая национальность, за исключением, пожалуй, Италии, была представлена в Европе особым крупным государством...»²¹. Ведущую роль в создании и существовании таких государств играла централизованная королевская власть, которая была «представителем образующейся нации». Ф. Энгельс указывает, что именно «королевская власть, опираясь на горожан, сломила мощь феодального дворянства и создала крупные, в сущности основанные на национальности, монархии, в которых начали развиваться современные европейские нации и современное буржуазное общество»²². Ко второй половине XV в. «во всей Европе оставались еще только две страны, в которых не было ни королевской власти, ни немыслимого тогда без нее национального единства, или они существовали только на бумаге: этими странами были Италия и Германия»²³. Основной причиной задержавшегося процесса этнической консолидации немцев по Ф. Энгельсу было то, что «от-

²⁰ Н. Ф. Колесницкий, Об этническом и государственном развитии средневековой Германии (XV—XVI вв.), «Средние века», вып. 23, М., 1963, стр. 183.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 410.

²² Там же, т. 20, стр. 345.

²³ Там же, т. 21, стр. 416.

дельные провинции и группы провинций были еще совершенно изолированы друг от друга: никаких сношений между ними и т. д... Во Франции и Испании тоже существовала экономическая раздробленность, но там она была преодолена с помощью насилия»²⁴.

В эпоху капитализма внутреннее сплочение национальных государств резко усилилось за счет развития новых, присущих капиталистической системе хозяйства, экономических связей. В связи с темой нашего исследования следует подчеркнуть, с одной стороны, возросшую роль языка для развития экономических связей, с другой стороны — необходимость государственного оформления этих связей. Классическая характеристика этого вопроса дана В. И. Лениным: «Во всем мире эпоха окончательной победы капитализма над феодализмом была связана с национальными движениями. Экономическая основа этих движений состоит в том, что для полной победы товарного производства необходимо завоевание внутреннего рынка буржуазией... государственное сплочение территорий с населением, говорящим на одном языке... Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам, наконец — условие тесной связи рынка со всяким и каждым хозяйном и хозяйчиком, продавцом и покупателем. Образование *национальных государств*, наиболее удовлетворяющих этим требованиям современного капитализма, является поэтому тенденцией (стремлением) всякого национального движения»²⁵.

Характеризуя развитие экономических связей, сложение экономической общности в эпоху капитализма, обычно отмечают такие явления, как развитие товарного хозяйства, прежде всего в форме крупного промышленного производства, территориальное разделение труда, основанное на товарной специализации отдельных районов, развитие путей сообщения, особенно железных дорог, и слияние местных рынков в общий рынок. В подавляющем большинстве работ, посвященных описанию процесса формирования наций, все это развитие экономических связей отождествляется с развитием этнических связей, экономическая интеграция — с национальной консолидацией, а признак экономической общности полагается основным, ведущим признаком нации как типа этнической общности. Чтобы завершить рассмотрение нашей темы, кратко остановимся на этом вопросе.

По нашему мнению, уже отраженному в ряде опубликованных ранее работ²⁶, экономическая общность, как таковая, более свойственна государству, нежели нации; такая общность, как ясно из вышеизложенного, исторически формируется именно в государственных границах. Если перед нами национальное государство, то к живущей там нации, естественно, можно приложить и признак экономической общности, хотя и это часто нуждается в оговорках. Отмеченная В. И. Лениным связь экономических и национальных (языково-территориальных) моментов характерна лишь для эпохи раннего капитализма. По мере роста производительных сил формы национальных государств начинают тормозить экономическое развитие, в экономике все большую роль начинают играть межгосударственные экономические связи. «Торговые связи между различными государствами, — пишет В. И. Ленин, — становятся все теснее и обширнее, капитал переходит постоянно из одной страны в другую. Банки, эти громадные склады капиталов, собирающие его отовсюду и распре-

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 571—572.

²⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 258—259.

²⁶ См. В. И. Козлов, Некоторые проблемы теории нации, «Вопросы истории», 1967, № 1; его же, Динамика численности народов, стр. 32 и след.

деляющие его в ссуду капиталистам, становятся из национальных международными, собирают капиталы из всех стран, распределяют их капиталистам Европы и Америки. Громадные акционерные компании устраиваются уже для заведения капиталистических предприятий не в одной стране, а в нескольких сразу; появляются международные общества капиталистов»²⁷. Одним из примеров межгосударственной (и межнациональной) экономической интеграции является возникновение так называемого Европейского экономического сообщества, внутри которого существует довольно свободное передвижение товаров, капитала и рабочей силы. В этих условиях применение к французской или, скажем, итальянской нации признака экономической общности уже требует некоторых оговорок.

Опосредствованная — через государство — связь этнической и экономической общности очень наглядно выступает в тех случаях, когда единый этнос оказывается разделенным государственными границами. Никто, кажется, не сомневается в том, что в конце XIX в. существовал украинский народ, хотя австро-венгерские западные и закарпатские украинцы в течение нескольких столетий не имели никакой экономической связи с восточными — российскими украинцами. Разделение политическими границами курдов, бенгальцев, корейцев и многих других народов мира ослабляет их этническую целостность, но не уничтожает ее, хотя между частями этих народов нет экономической общности.

Обратимся теперь к многонациональным государствам, памятуя, что теория национального вопроса и теория нации разрабатывались и разрабатываются, главным образом, применительно к таким государствам. Совпадение экономической общности с этнической и, как следствие этого, возможность применения для определения наций в этих государствах признака экономической общности, были бы возможны в том случае, если бы именно национальная принадлежность играла решающую роль в установлении и развитии экономических связей. По отношению к России это означало бы, что, например, украинцы вступали в экономические связи, как правило, с украинцами и образовывали особый украинский национальный рынок, татары вступали в экономические связи с татарами и образовывали татарский национальный рынок и т. п. Однако в действительности было далеко не так. Не оспаривая общепризнанного факта существования украинской нации в конце XIX в., заметим, что подавляющее большинство ее составляли крестьяне, хозяйственные интересы которых были, пользуясь словами Энгельса, по существу одинаковы, но именно поэтому и не общие. Экономическое единство, формирование национального рынка могло быть достигнуто только через торговые центры этой области: Одессе, Киеву и Харькову украинцы составляли незначительную часть населения: по первой советской переписи 1920 г. в Одессе — 3% (русские и евреи примерно по 45%), в Киеве — 14% (русские — 47%, евреи — 32%). То же самое относится и к татарам, составившим в Казани всего 19% населения²⁸. Короче говоря, экономические связи в России развивались в «национальных» областях чаще всего не на национальной, а на межнациональной основе.

Не имея возможности опереться на фактический материал, сторонники концепции, представляющей экономическую общность в качестве ведущего, обязательного признака нации, пытаются укрепить свои позиции ссылкой на В. И. Ленина, который писал, что образование нации «вызывалось усиливающимся обменом между областями, ... концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»²⁹. Од-

²⁷ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 2, стр. 98.

²⁸ В. П. Шибанов, Этнический состав Европейской части Союза ССР, «Труды КИПС», вып. 20, Л., 1930, стр. 225, 203.

²⁹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 154.

нако следовало бы учесть, что В. И. Ленин пишет здесь о начальном этапе сложения русской нации, которая формировалась в пределах русского государства с небольшими в то время включениями других народов. Таким образом, как и в странах Западной Европы, связь между экономической и национальной консолидацией имела здесь по существу опосредствованный — через государство — характер³⁰.

Тесная связь между экономическим развитием и политико-государственным обособлением имеет по В. И. Ленину исторически преходящий характер и в основном присуща лишь ранней стадии капитализма. Для зрелого капитализма, идущего к своему превращению в социалистическое общество, характерно, прежде всего, развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.³¹ В. И. Ленин в своих работах уделил значительное внимание критике идеи экономического сепаратизма наций, постоянно подчеркивая экономические связи между нациями, живущими в одном государстве, и необходимость интернационального сплочения трудящихся против противостоящих им сплоченных сил буржуазии различных национальностей. «...Национальный состав населения, — пишет он, — один из важнейших экономических факторов, но не единственный и не важнейший среди других. Города, например, играют важнейшую экономическую роль при капитализме, а города везде — и в Польше, и в Литве, и на Украине, и в Великороссии и т. д. — отличаются наиболее пестрым национальным составом населения»³². Растущая национальная буржуазия в России стремилась, конечно, в конкурентной борьбе опереться на «свою» национальность, однако это не приводило к возникновению национально раздельных экономических общностей. «Именно экономическая и политическая жизнь капиталистической страны заставляет на каждом шагу ломать нелепые и устарелые национальные перегородки и предрассудки... В акционерных обществах сидят вместе, вполне сливаясь друг с другом, капиталисты разных наций. На фабриках работают вместе рабочие разных наций. При всяком действительно серьезном и глубоком политическом вопросе группировка идет по классам, а не по нациям»³³. Следует подчеркнуть, что основные выводы В. И. Ленина об экономической взаимосвязанности наций в многонациональных капиталистических государствах, еще в большей степени приложимы к социалистическим государствам, где уничтожение эксплуатации и национального неравенства, дальнейшее разделение труда и, наконец, дальнейшее территориальное смешение наций, приводят не к ослаблению экономических связей между ними, а к их укреплению³⁴.

Как известно, в основу административно-территориальной структуры

³⁰ Иногда ссылки на В. И. Ленина даются по недоразумению. Так, П. М. Рогачев и М. А. Свердлин, подчеркивая первостепенное значение для нации признака экономической общности (общности хозяйственной жизни) мотивируют это тем, что В. И. Ленин в одном из своих конспектов по национальному вопросу, «дважды назвал „экономический признак“» (см. П. М. Рогачев, М. А. Свердлин, Указ. раб., стр. 35). Анализ указанного ими источника («Ленинский сборник», XXX, стр. 53) приводит к выводу, что В. И. Ленин характеризует здесь национальную теорию К. Каутского, который считал основными признаками нации язык и территорию и показал исторически изменяющееся экономическое значение этих признаков. Именно поэтому В. И. Ленин называет данную теорию «историко-экономической» (там же, стр. 64) и именно поэтому «экономический признак» следует относить к характеристике В. И. Лениным сущности этой теории, а не к взглядам его на сущность нации.

³¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 24, стр. 124.

³² Там же, стр. 149.

³³ Там же, стр. 134.

³⁴ Об экономической интеграции советских наций более подробно см.: Ю. В. Бромлей, В. И. Козлов, Ленинизм и основные тенденции этнических процессов в СССР, «Сов. этнография», 1970, № 1.

СССР положен национальный принцип. Несомненно, что внутри союзных и автономных республик имеется определенная экономическая общность. Но во-первых, эта общность, связанная, кстати сказать, с определенными формами государственности, явно уступает по своему значению экономическим связям, экономической общности всесоюзного масштаба. Во-вторых, в основе экономического районирования СССР лежит не этнический, а территориальный принцип, и имеющаяся внутри союзных и автономных республик экономическая общность охватывает все живущие там национальные группы, т. е. имеет не национальный, а межнациональный характер. Поэтому нередко встречающиеся попытки характеризовать, например, упрочение и развитие экономической общности русской нации статистическими данными, относящимися к развитию экономики РСФСР, а экономической общности казахской нации — данными по Казахской ССР³⁵, — выглядят по меньшей мере странно. Уместно напомнить, что казахи составляют в пределах своей республики примерно 30% всего населения (а в основных промышленных центрах и того меньше), что экономика Казахстана развивалась и развивается на основе трудового содружества и экономических связей различных национальностей — русских, украинцев, казахов и др. В своей речи на торжествах в Алма-Ате Л. И. Брежнев подробно остановился на этом содружестве, отметив, в частности: «Русские и казахи, украинцы и белорусы, представители всех советских народов строили Турксиб и шахты Караганды, нефтепромыслы Эмбы и промышленные предприятия рудного Алтая, Чимкента, Балхаша... Весь межнациональный рабочий класс принимал активное участие в обеспечении целинных совхозов первоклассной техникой... Представители всех народов страны общими усилиями поднимали целину»³⁶. Следует отметить также, что сильное территориальное смешение народов внутри союзных и автономных республик сочетается с их еще более сильным смешением за пределами своих республик. За пределами Татарской АССР живет, например, свыше 70% всего татарского населения страны, за пределами Мордовской АССР — свыше 72% всей мордвы и т. п. В подобных случаях выделение особых национальных экономических связей и конструирование особых национальных экономических общностей приобретает явные черты иррационального³⁷.

Переходя к кратким выводам нашего исследования, подчеркнем еще раз, что, согласно материалистическому пониманию истории, именно производство создает экономическую основу для возникновения и развития всех форм социальной жизни людей. Однако связи экономики с этносом, как и связи ее со многими другими социальными группами чаще всего носят сложный, опосредствованный характер. Поэтому применение различных экономических показателей, например, исторически изменяющихся особенностей экономического строя для целей типологии этнических общностей требует осторожности и детального анализа всех связывающих их элементов. Экономическая общность людей, основанная на разделении труда в процессе общественного производства, и этническая общность, основанная на языково-культурных и других связях, отражающихся в этническом самосознании, могут совпадать, но могут и не совпадать, причем и здесь связь между ними обычно имеет опосредствованный характер — через племенную организацию или государ-

³⁵ См., например, М. Н. Росенко, Указ. раб., стр. 97.

³⁶ «Правда» от 29 августа 1970 г.

³⁷ О неприменимости к советским нациям признака особой экономической общности каждой нации писал Е. М. Жуков в статье «XXII съезд КПСС и задачи советских историков» («Вопросы истории», 1961, № 12). В прошедшей дискуссии вокруг понятия нации многие авторы решительно выступили против идей экономического сепаратизма наций и подчеркивали экономическую связанность всех наций в пределах СССР, но лишь немногие из них поставили под вопрос целесообразность признака экономической общности каждой нации.

ство³⁸. Поэтому введение в научное понятие этноса обязательного признака общности экономических связей (экономической жизни) представляется неоправданным. Недостаточно оправданным представляется и применение его в качестве главного, ведущего признака одного из типов этнической общности — нации, особенно для наций, живущих в пределах многонациональных государств и находящихся в значительном территориальном смешении друг с другом. Отметим, вместе с тем, что исторически разделение труда усиливается, а основанные на нем экономические общности людей упрочиваются с переходом от феодализма к капитализму; именно в это время обычно разворачиваются и процессы национальной консолидации. Хотя такое хронологическое совпадение этапов экономической и этнической эволюции само по себе еще не говорит о прямой зависимости второй от первой, однако, как показывает приведенный нами материал, оно далеко не случайно. Нации, как особые типы этнической общности, возникают на определенной экономической основе, в ходе сложных процессов социально-экономического и языково-культурного развития, познание которых невозможно, конечно, без детального анализа роли экономических факторов.

ETHNOS AND ECONOMICS: ETHNIC AND ECONOMIC COMMUNITIES

The problem of correlation between ethnos and economics, the ethnic and the economic community is one of the methodologically important problems in the theory of ethnos which is at present in the course of elaboration. According to the materialistic conception of history it is production that creates the material base for the rise and development of all forms of human social life. However the links between economics and ethnos are usually complex and indirect in character. Therefore the application of specific features of social-economic systems to the typology of the ethnos demands a detailed analysis of all connecting links. The economic community based upon the division of labour and the ethnic community based on linguistic, cultural and other ties reflected in ethnic consciousness may coincide but do not necessarily do so since the connection between them is also usually indirect in character; it is realized through the tribal organization or the state. Consequently the introduction of economic ties (community of economic life) as an integral feature characterizing «ethnos» and included in its scientific definition appears unjustified. It is also insufficiently justified when used as the basic leading feature of one special type of ethnos — the nation, especially as to nations within multinational states.

³⁸ Для обозначения этносов, имеющих свою социальную или государственную организацию, а вместе с ними и определенную экономическую общность, уместно применять предложенный Ю. В. Бромлеем термин «этно-социальный организм» (см. Ю. В. Бромлей. Этнос и этно-социальный организм, «Вестник АН СССР», 1970, № 8).